

ПОРА ЗНАТЬ ПРАВДУ

(Продолжение. Начало на стр. 3)

каз, а они, как показал анализ различных научных трудов, не всегда объективны, особенно в части, касающейся личных их ошибок и просчетов или коллективов, где они служили. Другой крайностью является то, что фамилии Берия, как правило, связывают только с депортацией народов Северного Кавказа в годы Великой Отечественной войны и преподают весьма однобоко, обвиняя в организации ложных доносов на партийных, государственных и военных деятелей, грубейших нарушениях закона.

В некоторых трудах утверждается, что Л. П. Берия вмешивался в решения командующих, мешал централизованному управлению войсками. Так, в мемуарах А. А. Гречко приводится фраза: "Большой вред боевым действиям 46й армии на перевалах Главного Кавказского хребта нанес Берия. 23 августа он прибыл в штаб армии в качестве члена Государственного Комитета Обороны. Вместо оказания конкретной помощи командованию в организации прочной обороны Берия фактически внес нервность и дезорганизацию в работу штаба, что привело к нарушению управления войсками". Эта фраза, как и другая, по смыслу явно выпадают из предыдущего текста. Заметно, что ее кто-то вписал не из коллектива авторов. В более позднем издании это утверждение уже подкорректировано: "Значительно усложнилась работа управления фронта и штаба 46й армии по усилению обороны Главного Кавказского хребта в связи с приездом в Сухуми 23 августа в качестве члена Государственного Комитета Обороны Берия. Вместо конкретной помощи, в которой нуждалось командование и штаб 46й армии, Берия заменил целый ряд ответственных работников армейского и фронтового аппарата, в том числе и командующего армией генерал-майора В. Ф. Сергацкова". Данные обвинения абсурдны хотя бы по той причине, что это противоречит другим страницам в этих же книгах, где приводится масса фактов, свидетельствующих о том, что командование этой армии не выполняло директивы Закавказского фронта от 24 июня 1942 г. по организации обороны перевалов, проявляло медлительность. П. Смирнов справедливо замечает, что согласиться с авторами этого труда можно лишь в одном. После посещения Берия 46й армии приказом от 28 августа командующий генерал-майор В. Ф. Сергацков был назначен с понижением - командиром дивизии, а вместо него был назначен генерал-майор К. Н. Леселидзе, что вполне отвечало сложившейся ситуации. Известно, что Л. П. Берия, как член ГКО, был направлен на Кавказ в самый трагический период - в августе 1942 г., а потом - в марте 1943 г. В планах немецко-фашистского командования на лето 1942 г. кавказскому направлению отводилось решающее место. Стремясь захватить Кавказ, противник рассчитывал овладеть огромными богатствами этой экономической важной части Советского Союза, лишив Красную Армию источников важнейших видов промышленной продукции и стратегического сырья, в первую очередь нефти. Захватом Кавказа немецко-фашистское руководство рассчитывало решить и внешнеполитическую задачу - заставить Турцию выступить против стран антигитлеровской коалиции на стороне Германии. Для этой цели враг сосредоточил на кавказском направлении мощную ударную группировку в составе 22 дивизий, 9 (41 %) из которых были танковыми и моторизованными. Вполне естественно, что на начало операции превосходство врага в технике и личном составе было выше, чем на Сталинградском направлении. Ситуация усугублялась тем, что основная группировка Северо-Кавказского фронта имела задачу оборонять побережья Азовского моря, Керченского пролива и Черного моря до Лазаревской (командующий - маршал Советского Союза С. М. Буденный). От Лазаревской вдоль черноморского побережья начиналась полоса обороны Закавказского фронта (командующий - генерал армии И. В. Тюленев). Значительное удаление Кавказа от западных границ страны давало основание советскому командованию предполагать вторжение противника на Кавказ, вероятнее всего посредством морских и воздушных десантов. Поэтому обороне Кавказа с севера, то есть со стороны Дона, внимания уделялось мало. Основная часть группировки двух фронтов была предназначена к противодесантной и приграничной (с Турцией и Ираном) обороне. По сути, выход немецких армий от Ростова на юг приходился в неприкрытый тыл и фланг этих фронтов, в чем и был самый крупный стратегический просчет Ставки и Генерального штаба в летней кампании 1941 г., а в дальнейшем - и 1942 г. Ожесточенные бои за Ростов в конце 1941 г., как за "воротота Кавказа", по всей вероятности, не дали советскому командованию уверенности в истинных намерениях врага. После поражения наших войск в районе Донбасса летом 1942 г. времени на оперативное и стратегическое перестроение враг не оставил, путь ему на Кавказ был открыт.

Небольшой комментарий. 1. Прежде всего, следует отметить, почему вообще Берия был направлен на Кавказ в 1942 г. Дело в том, что и в 1942 г. генералы организовывали оборону Кавказа из рук вниз плохо. На Кавказе они практически полностью проецировали ситуацию, привидевшую к невероятной трагедии 22 июня, то есть опять выигрывали свои дивизии в тонкие линии. Проще говоря, проецировали вариант статического фронта "узкой лентой", не понимая и не принимая в расчет сути специфики Кавказа. И если бы не Берия, "человек поистине броневой воли и могучего интеллекта", то Кавказ действительно был бы захвачен гитлеровцами. Естественно, что ни генералы, ни маршалы признавать свои ошибки, многие из которых были на грани преступлений (если не вообще за этой гранью), категорически не желали. Тем более в сравнении с подлинными и выдающимися заслугами Л. П. Берия.

2. Насчет самого крупного стратегического просчета Ставки и Генерального штаба согласиться трудно. Должен отметить, что положением дел на этом, еще только будущим,

участке советско-германского фронта и Ставка, то есть прежде всего сам Сталин, озабочен был еще до начала битвы под Москвой. Еще 2 октября 1941 г. Ибо именно тогда командованию Северо-Кавказским фронтом была направлена первая соответствующая директива Ставки о необходимости принятия соответствующих мер для укрепления. Чтобы не быть голословным еще раз укажу координаты архивного хранения - РГВА. Ф. 48а. Оп. 1554. Д. 91. Л. 314. Выше этот документ уже приводился. И в дальнейшем Ставка уделяла громадное внимание этому же направлению. А вот то, что генералы напорочили уже по собственной инициативе, - это, как правило, даже и не рассматривается. "Правильным" считается во всем винить Сталина, Берия, Ставку, Верховного, Генштаб.

Далее коллега Смирнов указывает, что, прибыв на фронт, Л. П. Берия с присущей ему энергией довольно быстро разбирался в сложной ситуации. Более того, направлялся туда, он добился назначения на ключевые должности своих надежных и проверенных генералов и офицеров, что не могло не породить недовольства со стороны некоторых армейских военачальников и тогда, и после войны. Кстати говоря, это вечная склока между органами госбезопасности и армейскими, в том числе и на генеральском уровне. По предствлению Л. П. Берия не у дел остались маршал С. М. Буденный и член Военного совета фронта Л. М. Каганович. Генерал-майор В. Ф. Сергацков был освобожден от должности командующего 46й армией и назначен с понижением командиром дивизии. Не нашлось места на этом направлении и генерал-лейтенанту Р. Я. Малиновскому, который с декабря 1941 по июль 1942 г. командовал Южным фронтом, а затем Донской группой Северо-Кавказского, сформированной из трех армий этого же фронта. 8-11 августа Донская группа была расформирована, а вместо нее была создана Северная группа Закавказского фронта. Ее возглавил генерал-полковник НКВД, протеже Берия, Малиновский же был направлен командующим 66й армией под Сталинград, на другой фронт, что стало вторым его понижением менее чем за две недели. Данный эпизод руководства Донской группой в самый тяжелый и неприятный период для страны в биографии будущего маршала, министра обороны СССР отсутствует. В мемуарной литературе он сильно искажен в пользу Малиновского. К примеру, в воспоминаниях И. В. Тюленева части генерала Р. Малиновского во второй половине августа вынуждены были отойти в район Пятигорск - Прохладный - Нальчик. Это противоречит приказу о расформировании Донской группы от 11 августа 1942 г. То есть он там просто не мог быть.

Говоря о непосредственной роли Л. П. Берия в оборонительных операциях на Кавказе, Смирнов указывает, что именно Лаврентий Павлович предпринял самые активные меры по организации обороны горных перевалов. По его распоряжению в срочном порядке были изучены 175 горных перевалов и организованы их охрана и оборона. В кратчайшие сроки было организовано строительство оборонительных сооружений на Военно-Грузинской и Военно-Осетинской дорогах, создан особый режим в районах этих коммуникаций. Кроме этого, в целях устойчивого управления при штабе Закавказского фронта была сформирована оперативная группа НКВД по обороне Главного Кавказского хребта. В некоторых мемуарах приводятся утверждения о ненужности этой структуры. Но это неверно. Хотя бы потому, что командующий Закавказским фронтом вынужден был постоянно метаться между Орджоникидзе, Баку, Тбилиси, Сухуми и Новороссийском, и создание структуры, занимавшейся исключительно обороной перевалов, все так повышало устойчивость в управлении.

Известно, что за оборону некоторых перевалов отвечали сотрудники местных органов внутренних дел, поскольку одним из войск для решения этой задачи было мало. Вблизи перевалов создавались режимные зоны, отселались нежелательные элементы, что вообще являлось функцией органов внутренних дел и госбезопасности. К обороне привлекались местные истребительные и партизанские отряды. Малоизвестным фактом остается активное участие Берия в организации противовоздушной обороны Бакинского нефтепромыслового района. В этом эпизоде он проявил себя как руководитель, разбирающийся в тонкостях военного дела. Вокруг столицы Азербайджана ранее был создан Бакинский фронт ПВО. Из-за нехватки противотанковых средств тогда стали снимать зенитные орудия и направлять их на фронт. Берия категорически запретил командованию Закавказского фронта направлять на фронт 100 миллиметровые зенитные пушки, способные поражать самолеты противника на больших высотах. Своим мнением он обосновывал тем, что после того, как враг не добьется своих целей сухопутной группировкой, то попытается просто уничтожить нефтепромыслы массированными налетами авиации с больших высот. Весь характер боевых действий доказал его правоту. В дальнейшем не случайно именно ему поручили после войны организацию войск ПВО страны на базе МПВО (местной противовоздушной обороны) НКВД СССР. Данный исторический эпизод известен в основном ветеранам войск ПВО страны.

По справедливому замечанию П. Смирнова, в этой поездке на фронт Берия показал очень хорошее видение ситуации, присущую военным руководителям крупного масштаба способность предвидеть действия противника и принимать эффективные меры по упреждению его замыслов. В подтверждение этого может служить факт, что, прибыв на фронт, он сразу же обратил внимание на отсутствие планов обороны перевалов. Произошло это, вероятно, вследствие общих просчетов Ставки, Генерального штаба, так как в силу оперативного построения группировок фронтов за них никто отвечать не мог. В данном случае принцип ответственности за стык с соседом справа не совсем подходил, особенно к За-

кавказскому фронту. Более целесообразным был бы конкретный приказ, предписывающий заблаговременную подготовку обороны перевалов, который появился с большим опозданием. Не случайно почти одновременно с прибытием Берия на Кавказ родилась директива Ставки № 170579 от 20 августа 1942 г., в которой говорилось: "Глубоко ошибаются те командиры, которые думают, что Кавказский хребет сам по себе является непроходимой преградой для противника. Надо крепко запомнить - непроходимым является только тот рубеж, который умело подготовлен и упорно защищается. Все остальные преграды, в том числе и перевалы Кавказского хребта, если их прочно не оборонять, легко проходимы, особенно в данное время года".

Небольшой комментарий А. Б. Мартыросяна. В данном случае необходимо внести ясность. Дело не в просчетах Ставки или Генерального штаба, а в генеральском подходе к организации обороны Кавказа едва ли не на грани преступления - в форме так называемого пассивного открытия фронта врагу. Только этим можно объяснить то обстоятельство, что ни один из генералов до прибытия Берия на Кавказ не удосужился разработать планы обороны перевалов. Ведь это же была их прямая обязанность, не говоря уже о том, что это альфа и омега обороны в горной местности. И приплетать сюда ответственность Ставки и Генштаба просто неуместно. Хотя за что то генералы на местах должны были отвечать? А то все Ставка да Ставка, Генштаб да Генштаб. И лучшее подтверждение точности данного комментария вышеприведенные слова из директивы Ставки.

По мнению П. Смирнова, изучение оперативного построения Северной группы Закавказского фронта на конец октября 1942 г. позволяет сделать вывод о том, что к этому времени предполагалось отражение противника не только с западного направления, но и с севера, со стороны Астрахани, для чего предназначались 44я и 58я армии. Все оборонительные работы, организованные Берия в кратчайшие сроки, наложение производства оружия и боеприпасов в регионе, категорический отказ предавать полностью в оперативное подчинение командующим фронтами и армиями Грозненскую, Махачкалинскую, Орджоникидзевскую, Сухумскую дивизии войск НКВД и другие части, свидетельствуют о том, что этим наращивалась оперативная глубина построения, фактически создавалась вторая линия обороны. Кроме того, создание особых районов обороны, где основу составляли дивизии войск НКВД, предполагало особый режим, который не позволил агентуре врага осуществить задуманные акции в нашем тылу. О банальности в тылу ни в одном из упоминавшихся мемуаров вообще нет ни слова. А ведь это была серьезнейшая проблема, решение которой целиком и полностью лежало на плечах НКВД. Даже когда приводятся примеры активного участия в обороне бронепоездов, никогда не указывается то обстоятельство, что все они в то же период принадлежали войскам НКВД. Приводятся одни и те же факты участия 46й отдельной бронепоездовой войск НКВД в отражении передовых отрядов немцев в районе Червленной - Терек - Наурской - Ищерской, снова без указания его ведомственной принадлежности.

Примером, подтверждающим необходимость создания Берия особых оборонительных районов, является оборона Орджоникидзе, где противнику, создавшему мощную ударную группировку, удалось прорвать фронт на узком направлении, но он был остановлен именно частями Орджоникидзевской дивизии НКВД, входившей в особый оборонительный район на самом важном рубеже, в нескольких километрах от города. Передача в оперативное подчинение фронтам и армиям частей и соединений войск НКВД свидетельствует о некоторых существующих проблемах, о которых ранее не принято было говорить. От войск НКВД армейское командование только и знало, что требовать выполнения задач любой ценой. Оно прекрасно знало об их высочайшей, тем более в сравнении с регулярной армией, боевой выучке, боеиспособности, исключительной стойкости в обороне, самоотверженности при осуществлении боевых операций и беспримерной дисциплине. А вот общее отношение к ним со стороны армейских начальников, в чье оперативное распоряжение они поступали, было как к "чужим". Их даже снабжали только боеприпасами, а обеспечение всеми остальными видами довольствия обстоило значительно хуже, очень часто про них попросту забывали. Смирнов прямо указывает, что на примере той же Орджоникидзевской дивизии можно убедиться, что после того, как она с трудом выполнила оборонительную задачу, командующий 9й армией тут же поспешил поставить ей задачу на контрнаступление без учета прежнего боевого порядка дивизии в обороне в горах.

Как отмечает П. Смирнов, обвинения в адрес Берия по поводу создания параллельных штабов и управленческих звеньев из состава НКВД не состоятельны. Потому что никто не хочет принимать во внимание то обстоятельство, что это было продиктовано рядом специфических особенностей. Прежде всего следует иметь в виду, что обороне подлежали пространства на больших расстояниях. А из-за наличия малых сил, непонимания специфики горной местности и разобщенности группировок войск горами армейское командование того периода довольно часто теряло управленческие соединения, армиями и фронтами. Хуже того. Общевойсковые командиры в основном уклонялись от контроля за положением дел в своем тылу. В итоге получалось, что войсковое командование с трудом следило за обстановкой, что не могло не отразиться и на управлении войсками. Так что были немалые основания не доверять полностью прежнему командованию. Следует учитывать также, что еще